

Гобоист и дирижер Хайнц Холлигер — в интервью «Газете» «Я мечтал заказать сочинение Шостаковичу»

В Зальцбурге завершился фестиваль «Неделя Моцарта». Ярчайшей его звездой стал Хайнц Холлигер — легендарный дирижер, композитор, гобоист, для которого писали практически все заметные композиторы второй половины XX века. После заключительного концерта фестиваля Холлигер ответил на вопросы корреспондента «Газеты» Ильи Овчинникова.

Господин Холлигер, в финале «Недели Моцарта» вы показали себя как дирижер, гобоист, композитор и даже клавесинист. Как родилась эта программа, позволившая вам проявить себя сразу в нескольких ролях?

У меня только одна роль — роль музыканта, что на деле гораздо больше, чем одна. Мне хотелось, чтобы программа была осмысленной и в идеале воспринималась как единое сочинение. Вначале мы играли Массонскую траурную музыку Моцарта, вполне авангардный опус для своего времени, за ней следовало мое *Ostinato funebre*, основанное на первой фразе сочинения Моцарта. Хотя эту фразу там никто на свете не опознает. Моя музыка рождает у вас чувство, будто вы попали в очень темную пещеру: своеобразное путешествие для слуха.

Затем мы показали Моцарта с солнечной стороны — траурной музыке противопоставили его Гобойный концерт. И, чтобы замкнуть эту арку, исполнили симфонию Гайдна № 98 — своеобразный реквиem по Моцарту. Программа получилась цельной. Сейчас, как правило, при составлении концертных программ солист хочет играть одно, дирижер предлагает другое, и получается не программа, а бессмыслица. В результате страдает публика: она должна чувствовать связь между сочинениями и благодаря уже прозвучавшему лучше понимать следующее. А иначе слушатели получают что-то вроде видеоклипа, и это не способствует обострению их восприятия, только наоборот.

Игра на гобое, композиция, дирижирование — чем вы начали заниматься раньше всего?

Лет с четырех-пяти я играл на фортепиано, а в девять стал осваивать гобой. Почти тогда же начал сочинять музыку. Все это я воспринимал как единый процесс, не разделяя одно с другим. Дирижировал я впервые в двадцать четыре года. Затем учился у Фрэнсиса Трэвиса — известного дирижера, ученика великого Германа Шерхена. А позже я учился композиции у Пьера Булеза и посещал его дирижерские курсы в Базеле. Потом меня привлек к работе с Базельским камерным оркестром его основатель, знаменитый меценат Пауль Захер. Мне не слишком хотелось тратить время на дирижирование, сначала я работал только со своими сочинениями — поскольку лучше всех знаю, как они должны звучать. Но благодаря Захеру я постепенно занялся и Гайдном, и Моцартом. К концу 80-х созрел для Шуберта и Шумана, моих любимейших композиторов. Еще позже занялся французами — так возникли Дебюсси, Равель, Кеклен, многие со-

чинения которого я записал впервые. Под моим управлением записана премьера Скрипичного концерта великого русского композитора Николая Рославца, многие сочинения Шенберга и Берга.

Вам посвящали свои сочинения выдающиеся композиторы второй половины XX века — Шнитке, Берно, Мессиян, Штокхаузен. Сотрудничество с кем из них для вас наиболее дорого?

Несколько произведений для меня написал и Эдисон Денисов, мы были большими друзьями. Всего мне посвящено более ста сочинений, из них я выделил бы четыре: Секвенцию VII Лучано Берно, Гобойный концерт Эллиота Картера, Концертную пасакалью Шандора Вереша и сочинение Клауса Хубера для клавесина и гобоя. Что касается других сочинений, посвященных мне, то во многих из них поначалу привлекает техническая сторона, но потом остывает. Как, например, Концерт Шнитке для арфы и гобоя с оркестром: я послал автору подробный список приемов игры на гобое, и ему удалось использовать практически их все! Но виртуозность не должна быть самоцелью. Для нас с моей женой, арфисткой Урсолой Холлигер, писали двойные концерты Лютославский, Хенце и многие другие — у нас большой выбор!

Кто еще важен для вас среди композиторов из России и бывшего СССР?

У нас были тесные отношения с Леонидом Грабовским, он с Украины. Потом, кажется, эмигрировал, и я не знаю, жив ли он. Он сочинял самую сумасшедшую музыку, с которой я когда-либо имел дело! Он написал «Микроструктуры» для гобоя соло, Трио для гобоя, арфы и альты, но затем стал склоняться в сторону минимализма, который мне крайне несимпатичен. И когда он это понял, то написал в строгой серийной технике пьесу для арфы, гобоя и струнных. Ей пока не довелось прозвучать, поскольку она практически неисполнима! Не могу не назвать Шостаковича — когда я работал с Захером, то мог сам решать, кому из композиторов надо заказать новое сочинение. И если бы только

Шостакович был жив, то моей мечтой было бы заказать сочинение ему. Недавно я дирижировал Восьмой симфонией в Баден-Бадене. Оказалось, что многие слышали ее впервые.

Вас привлекает идея теперешней «Недели Моцарта» — представить в равной степени венских классиков и композиторов XX века?

Это просто замечательно. Для меня нет гениев выше Моцарта и Гайдна, однако Моцарта не стоит воспринимать исключительно серьезно, как не следует и низводить его до уровня лица с конфетной обертки. В прошлом году вокруг его юбилея творилось что-то чудовищное, и я старался избегать исполнения его музыки в течение всего сезона. Зато вволю поиграл Шумана. Диалог между Моцартом и нашими современниками вполне реален. Например, в случае с Мессияном: его пьеса *Sourire* имеет подзаголовок «Приношение Моцарту». И если Мессиян обращался к Моцарту, то почему не предположить, что возможна и обратная связь? В сочинениях Лигети очень много игры всякого рода — это тоже похоже на Моцарта. Кстати, Европе должно быть стыдно за то, что недавняя смерть Лигети нигде не встретила широкого отклика. Зато новые пьесы Вольфганга Рима исполняются чуть не каждую неделю. И я очень рад, что сочинения Лигети здесь звучали. Жаль, что только три.

И все же, что для вас на первом месте — сочинять, играть или дирижировать?

В центре, наверное, сочинение. Но чтобы спокойно сочинять, я должен знать, что всегда могу встать перед оркестром и поделиться музыкой с людьми. И Бах, и Моцарт, и Мендельсон были такими же выдающимися исполнителями, как и композиторами. Я не сравниваю себя с ними, но подобное совмещение более чем естественно. Хотя моя игра на клавесине в 98-й симфонии Гайдна, конечно, не более чем шутка: в финале автор вспомнил о давней традиции, когда композитор дирижировал оркестром из-за клавесина, и добавил несколько строк для дирижера. **ГАЗЕТА**

05.02.07

Моцарт В.-А.
(пресловутый)

2